

ОБЗОРЫ

ТРУБАЧЕВ О. Н.

О РАБОТЕ СЕКЦИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ X МЕЖДУНАРОДНОГО СЪЕЗДА СЛАВИСТОВ

X Международный съезд славистов в Софии начался общим пленарным заседанием 15 сентября 1988 г., а окончательно завершился 21 сентября заседаниями многочисленных комиссий, состоящих при Международном комитете славистов, и официальным закрытием на вечернем пленарном заседании в Народной опере.

Мнения о больших международных научных конгрессах разделяются. Пессимисты считают, что они постепенно изживают себя, будучи трудно-обозримыми и труднодоступными, если речь идет об иностранных участниках. Оптимисты тоже не могут этого отрицать, но по-прежнему верят в пользу конгрессов, считая, что в международных славистических конгрессах заложен огромный научный и общественно-культурный стимул, не сравнимый с другими формами научной деятельности. Многие из нас помнят наш, московский, IV МСС 1958 г. и сознают, сколь многим лично обязаны именно ему. Конечно, нарекания на современные славистические съезды имеют в виду также их непомерное разрастание, а комитеты славистов специально борются с этим разрастанием. Суть дела в том, что один участник такого съезда физически не в состоянии посетить и прослушать за пять полных рабочих дней съезда едва ли больше 70—80 докладов по пятнадцати минут каждый (в действительности выходит даже меньше, необходимо учитывать также дискуссии по докладом, несомненно, не менее интересные, чем сами доклады). Отсюда делается ясным, что даже маленький, «карманный» международный съезд на 100 научных докладов и меньше, какие проводились славистами до войны, неизбежно распадается на 2—3 и более секций, работающих (заседающих) одновременно, и одно это уже способно привести в отчаяние любознательного слависта, который вправе стремиться все заслушать (не только, скажем, языкознание, но и литературоведение, фольклористику и историю), но никогда, ни разу не смог этого сделать. Что же говорить о нынешнем съезде славистов, который объединил по всем своим дисциплинам более полутысячи докладов. Очевидно, что следует примириться с необозримостью славистических съездов, необозримостью даже отдельных их секций, например лингвистической секции, на работе которой я останавлиюсь ниже подробнее. Тем более, что доступные средства информации, и прежде всего — печатные издания, дают возможность как-то преодолеть эту необозримость славистического конгресса, которая поначалу удручает, вызывает растерянность участников, желание лихорадочно перебежать из подсекции в подсекцию, с одного доклада на другой, еще более интересный. Кроме того, существ-

вует некий закон, что ничто действительно замечательное не пропадает, но распространяется и становится постепенно общим достоянием. Поэтому бороться с «необозримостью» конгрессов по чисто научным мотивам, скорее, бесполезно (я знаю, что комитеты славистов — национальные и международный — неизменно этим занимаются, стремясь сократить общее число докладов, но это плохо удастся, как всякое противодействие естественному процессу).

При всей своей такой необозримости славистические конгрессы обладают удивительной и драгоценной способностью объединять науку и людей науки. Выработалась весьма гармоничная общая структура съездов, состоящих из секций (I) языкознания, (II) литературоведения (преимущественно — сравнительного), (III) литературно-лингвистических проблем, (IV) фольклористики и (V) исторической проблематики (также избирательной, более общей и главным образом сравнительной). Взаимосвязь всех этих разных секций и единство славистики в своих всех дисциплинах проявляется во многом и находит серьезнейшее обоснование в единстве прежде всего филологии, но также и шире — в единстве столь актуальной сегодня истории культуры. И в этом тоже — смысл существования наших конгрессов. Внешне, чисто человечески, это курьезно проявляется в том, что иной наш коллега-лингвист порой отсутствует в секции языкознания, но числится по секции литературно-лингвистической (как, например, американский лингвист Д. Ворт с его докладом по поэтике народных причитаний на последнем съезде славистов), как и в том, что на съезде иногда «перебегают» из секции в секцию не только слушатели, но и докладчики со своими докладами, как было с некоторыми докладчиками-лингвистами (например, польская лингвистка, специалист по этногенезу Х. Поповская-Таборская), которые перешли читать доклады в лингвистическую секцию из секции исторической проблематики, где, между прочим, имела даже специальная подсекция по этногенезу славян. И хотя в лингвистической секции формально заседания по этногенезу не было, в этом тяготении к лингвистике, думается, выразилась неотделимость проблем этногенеза в первую очередь от проблем праславянского языка и сравнительного языкознания в целом.

Конгрессы славистов, проводимые всякий раз в одной из славянских стран, значат (и это стоит отметить) немало для национально-культурного самосознания данной страны. Иначе трудно понять цифры: на X МСС было зарегистрировано кроме 700 иностранных участников также около 700 участников-болгар. К этому числу, по словам акад. П. Динекова (Болгария), закрывавшего конгресс, следует добавить еще примерно 500 болгарских граждан, проявивших интерес и пожелавших получить право допуска на конгресс. Это были люди разных возрастных категорий, среди них и те, которые, наверное, так или иначе будут связаны со славистикой будущего, и как замечательный факт такого рода П. Динеков приводил в пример одного 16-летнего болгарского гимназиста, который пожелал принять участие в этом софийском конгрессе славистов и сам выступал с собственными суждениями о методе исследований акад. В. Георгиева.

Моя обязанность — посылить охарактеризовать работу секции языкознания на X МСС, в том числе участие в ней советских славистов, хотя я уверен в необходимости всегда, а также и в данном случае, характеризовать явление во всей совокупности, не теряя из виду его связей с другими близкими явлениями. К тому же всякая сознательная изоляция попросту невозможна и вредна, если мы заинтересованы в более глубоком знании предмета.

Секция языкознания не случайно традиционно всегда первая секция славистических съездов. Она во все времена привлекала наибольшее количество участников; так было и на этом, X МСС. Общее число докладов, заявленных на лингвистической секции, приближалось к 300. Правда, ряд докладов не был произнесен, с другой стороны — прибавились новые доклады (особенно — из числа первоначальных письменных сообщений). Таким образом, общая картина в силу изменения деталей оказывалась изменчивой и опять-таки труднообозримой, и это не только мое мнение, но, по-видимому, объективное положение дел. Можно сослаться на высказывания Д. Ворта, который в качестве члена Международного комитета славистов был ответственным за работу именно лингвистической секции, и притом — не в первый раз. Я помню его ироническое выступление в конце IX МСС в Киеве (1983 г.), когда необозримость тематики съезда он уподоблял рассказу слепых о встрече наощупь со слоном в старинной притче: один рассказывал о слоне как только о хоботе, другой — о ноге, третий — о хвосте... На X МСС все почти повторилось: Ворт опять выступил в той же роли и искренне признал, что полными сведениями о количестве состоявшихся лингвистических докладов и выступлениях не располагает, потому что болгарский коллега на одном из заседаний «так переутюмился», что сведений не представил.

Будучи ответственным (или одним из ответственных) за работу лингвистической секции из числа советской делегации на X МСС, я нахожусь в сходном положении. Как слависта меня интересовала прежде всего работа подсекции I-1 «Структура и история праславянского языка. Балто-славянские этнолингвистические отношения», вследствие чего уже подсекцию I-2 «Сравнительно-историческое изучение славянских языков и диалектов. Межъязыковые контакты. Ономастика», также профессионально близкую мне, я мог посещать лишь частично и уже совершенно был лишен возможности принять участие в работе подсекции I-3 «Сопоставительное (типологическое) и ареальное изучение славянских языков и диалектов» и подсекции I-4 «Изучение структурных и семантических особенностей современных славянских языков. Социолингвистика. Лингвистика текста». Поэтому я прибег к помощи (в том, что касается сведений о работе этих подсекций), любезно оказанной мне членами советской делегации Н. Н. Пшеничновой (I-3) и Е. А. Земской (I-4), за что и выражаю свою признательность им, а также Е. М. Верещагину, одному из докладчиков и активному участнику подсекции I-5 «Сущность и развитие древнеболгарского языка. Его роль в формировании и развитии других славянских языков». Е. М. Верещагин весьма оперативно передал мне свои сведения о реально прозвучавших докладах и жарких диспутах этой последней подсекции, которую я сам вынужден был посещать нерегулярно.

Выражение «реально прозвучавшие доклады» не случайно, потому что, к сожалению, с самого начала программа съезда стала на глазах претерпевать изменения и в итоге местами существенно отличалась от своего идеального (печатного) варианта, что не могло не вызывать некоторой путаницы и соответственно — нареканий. Одна из причин — неприезд довольно многих докладчиков. Отсутствие Ф. Славского (Польша), заявившего доклад на очень близкую моему докладу тему о реконструкции древней культуры славян по данным праславянской лексики, означало резкое сокращение обмена мнений также и по моему докладу («Славянская этимология и праславянская культура», пленарное заседание лингвистической секции), хотя потом все же состоялась вполне конкретная дискуссия. Отсутствие В. Н. Топорова (СССР) и неприезд З. Голомба (США)

с их докладами по реконструкции праславянского языка, его именной лексики также не способствовали развертыванию дискуссий по этим проблемам. Вообще надо сказать, что, по моим сведениям, наибольший урон понесло участие советской стороны именно в 1-й (праславянской и балтославянской) подсекции лингвистической секции, традиционно неизменно важной для славистической тематики: из десяти запланированных наших докладов здесь состоялись только четыре, т. е. меньше половины. Определенный урон, хотя, возможно, несколько меньший, претерпело наше участие (количество докладов) и по всем следующим подсекциям. Первоначальное намерение проводить обсуждение опубликованных докладов даже в случае отсутствия (неприезда) их авторов, объявленное руководством славистических комитетов, на практике осуществить не удалось, хотя работу по изданию докладов советской делегации следует признать удовлетворительной, и для распространения наших печатных трудов среди членов других делегаций было сделано самое необходимое. Реально было прочитано на X МСС свыше 30 советских докладов по славянскому языкознанию (т. е. больше 10% всей лингвистической тематики съезда); их число могло быть значительно бóльшим, но почти два десятка наших докладчиков-лингвистов не приехали в Софию (всего в X МСС приняло участие свыше 150 советских славистов разных специальностей). Вопиющим можно назвать полное отсутствие наших балтистов из республик Советской Прибалтики, регулярно принимавших, кстати, участие в предыдущих съездах славистов. Естественно, что последнее обстоятельство не могло не сказаться также на работе комиссии по исследованию балтославянских отношений. Для сравнения сошлюсь на то, что американские участники X МСС, прибывшие в Софию достаточно представительной делегацией, заявили свыше тридцати лингвистических докладов и письменных сообщений, но из их числа некоторые не смогли приехать, хотя в целом уровень участия славистов США в X МСС был внушительным, если к тому же принять во внимание, что речь идет о неславянской стране.

Были и определенные отличия между научной структурой и тематикой X МСС и предшествующего, IX МСС в Киеве. Даже если ограничиться отдельными примерами, обратившими на себя внимание, можно назвать, скажем, отсутствие на съезде в Софии «круглых столов» (вспомним очень оживленный киевский круглый стол по этногенезу славян с двадцатью выступлениями на нем разных специалистов, далее — круглый стол по Юрию Крижаничу, там же). Правда, в Софии были проведены (в основном литературоведами) заседания, посвященные годовщинам Ботева, Скорины и Шевченко. Сюда примыкает довольно многолюдный вечер участников X МСС, организованный в Доме советской науки и культуры и посвященный такой межсъездовской славистической дате, как 175-летие И. И. Срезневского (слово о Срезневском произнесла Г. А. Богатова). На киевском съезде славистов полнее была представлена лингвистическая проблематика славянского этногенеза, которая на софийском съезде внешне почти не значилась, а «Этногенез славян как общая проблема истории, лингвистики, археологии, антропологии, фольклористики и этнографии» фигурировал совсем в другом месте программы — как подсекция исторической секции. Однако уместно при этом предостеречь от прямолинейных выводов, так как при всех перечисленных, а также неперечисленных минусах софийского съезда традиционная праславянская лингвистическая проблематика оставалась предметом обсуждений, причем временами довольно ярких и конкретных, также и на софийском съезде славистов.

Собственно лингвистическая работа началась уже на первом общем пленарном заседании съезда докладом Р. Олеша (ФРГ), посвященным своеобразной экологии «малых» славянских языков. Одним из ярких событий праславянской подсекции I-1 были доклад Э. Станкевича (США) об именной акцентуации праславянского и литовского языков, а также последовавшая за ним дискуссия по этим вопросам. Станкевич во многом пересматривает теорию славянской акцентологии Станга и при этом отводит значительное место советскому лингвисту Булаховскому, который сразу после выхода книги Станга 1957 г. о славянской акцентуации выступил с ее серьезной критикой, а именно — против отрицания Стангом действия закона Соссюра в славянском, далее, против некритического принятия концепции балто-славянского единства и, наконец, против утрированной идеи Станга о том, что славянская акцентуация — всего лишь младший вариант балтийской акцентуации. Станкевич указал в своем докладе, что славянскую систему интонаций как более сложную и разнообразную невозможно, вопреки Стангу, вывести из балтийской как более простой и единообразной. Положение в современной науке усугубляется тем обстоятельством, что группа московских акцентологов, представленная на X МСС докладом трех авторов, недостаточно критично приняла именно идеи Станга о вторичности славянской системы и ее производности из балтийской. Станкевич убедительно критиковал методологические недостатки концепции московских акцентологов, требуя большей осторожности в отношении диалектного материала и свидетельств старых акцентуированных рукописей, а также настаивая на более пристальном учете воздействия морфологического фактора (например, при нарушении закона Соссюра в славянском двойственном числе). Мысль Станкевича о разных путях развития литовской и славянской акцентуации представляется актуальной и продуктивной, в том числе и в плане современных воззрений на славянский этногенез. Попытка подавить особое мнение Станкевича ответной ссылкой на «большинство голосов» не выглядела убедительной.

Из других заметных идей, высказанных на этой подсекции, стоит, пожалуй, назвать мысль о возможности создания праславянской исторической лексикологии на базе реконструкции и стратификации праславянского словарного состава (В. Борысь, Польша). При обсуждении доклада Л. Беднарчука (Польша) о сближении балтийской и славянской морфонологии в плане корреляции твердости/мягкости неслучайно речь зашла о языковом союзе, как, впрочем, и о том, что «языковые союзы никогда не могут осуществляться только на базе фонологии» (Х. Бирнбаум, США). Продолжалось на подсекции I-1 обсуждение положений пленарного доклада О. Н. Трубачева (СССР). Определенные дополнения вызвал, далее, доклад Е. А. Хелимского (СССР) о венгерском языке как источнике для праславянской реконструкции. Привлек внимание доклад Х. Поповской-Таборской (Польша) «Проблематика языковых периферий в этногенетических исследованиях». Она высказала весьма трезвое соображение по поводу того, что позднейшие территории славян (например, между Одером и Средним Днепром) нередко принимаются за древнейшие теми из языковедов, которые боятся слишком углубляться в древность (эту «боязнь слишком углубиться в древность» продемонстрировал на X МСС в своем общепленарном докладе «Древние места обитания славян» и старейшина польских археологов В. Хенсель). Отметим затем положение доклада Х. Поповской-Таборской о том, что «никогда не существовало

славянское лексическое единство», очень созвучное нашим собственным размышлениям, но диаметрально противоположное традиционному утверждению, повторяемому, например, польским исследователем В. Маньчаком, о том, что именно в лексическом отношении праславянский язык будто бы был удивительно единообразен. Чрезвычайно своевременно выступление Поповской-Таборской против слишком общих и преувеличенных выводов на базе одного лишь сходства периферийных архаизмов. В дальнейшем споры вызвали оригинальные, хотя и несколько прямолинейные интерпретации славянской тенденции к открытости слогов в докладе Г. Гальтона (США, теперь — Вена): «Балтийскому языку не нужно было прибегать к открытым слогам для сохранения своих интонаций, тогда как славянский нуждался в этом». Этот феномен докладчик пытался объяснить ареальной близостью славянского к алтайским языкам, не знающим интонации, на что немедленно прореагировала критика. Выступавший в дискуссии Д. Брозович (Югославия) счел этот ареальный аргумент недоказанным, поскольку известно, что китайский язык, тоже издавна соседящий с алтайским, как раз обладает развитыми интонациями. Очень интересным было дискуссионное выступление И. Марвана (Австралия), обратившего внимание на фактор перестройки в условиях языкового союза (в связи с докладом Л. Беднарчука), а также на то, что на уровне описания в литовском почти нет согласных в конце слова (кроме флексивного -s), т. е. как бы преобладает своеобразная «открытость» исходных слогов. Любопытно отметить, что Гальтон в дискуссии коснулся теории группового сингармонизма В. К. Журавлева, отсутствовавшего по болезни на съезде, буквально в следующих выражениях: «Я очень уважаю проф. Журавлева, но я этого сингармонизма не понимаю... Просто было много мягких согласных...». Таким образом, наш беглый и, разумеется, вынужденно далекий от полноты обзор наиболее замечательных идей и положений, оглашенных в докладах и диспутах сравнительно небольшой подсекции I-1 (праславянская и балто-славянская проблематика) на X МСС, убедительно показывает высокий уровень и важность состоявшегося научного обмена.

Сюда тематически примыкала подсекция I-2 (сравнительно-историческая грамматика, языковые контакты и ономастика), проигрывавшая, правда, при этом в смысле компактности проблематики сравнительно с первой подсекцией. Темы чисто морфологического характера здесь подчас случайно соседствовали с вопросами эволюции литературных языков (например, доклад В. П. Вомперского о старинных риториках), текстологии. Кстати сказать, от участников съезда приходилось слышать мнение об относительной бедности тематики исторической морфологии (один из немногих докладов — Ж. Фёйе «Некоторые проблемы славянской исторической морфологии»). Впрочем, по мнению Е. А. Земской, слабо были представлены также фонетика и фонология. Некоторые доклады были посвящены словообразованию, этимологии слов, анализу лексических заимствований. Историческое развитие лексики славянских языков рассматривал доклад В. М. Русановского. Сопоставительно-лексикологический характер носил также пленарный доклад Р. М. Цейтлин. К сожалению, не был прочитан (по причине неприезда автора) важный доклад А. В. Десницкой (СССР) о лексических элементах, характерных для балканского языкового союза. Весь последний день работы подсекции I-2 был посвящен ономастике (из советских славистов здесь выступил с докладом о типах славянских

фамилий Н. В. Бирилло). Из трех греческих докладчиков по крайней мере два занимались проблематикой бытования суф. *-ilsa* (в основном — из слав. *-ica*) в греческой ономастике. М. Майтан (ЧССР) в специальном докладе пришел к выводу о славянском характере словачки гидронимии.

Кроме того, на первом же заседании этой подсекции имело место продолжение дискуссии по пленарному лингвистическому докладу О. Н. Трубачева. Дискуссия развернулась вокруг словообразования и этимологии славянского слова **svoboda*, по затронутым в докладе балтославянским отношениям (выступления Г. Милейковской — Польша, Р. Эккерта — ГДР, Х. Шустер-Шевца — ГДР). На фоне этого конструктивного обмена резко выделялось выступление В. А. Дыбо (СССР), содержащее одни негативные утверждения о докладе Трубачева, а заодно обо всей его научной деятельности в самой общей форме и притом — без единого конкретного примера и потому больше походившее на оговор, чем на критику специалиста. Трубачев в ответном слове заявил, что предпочел бы иметь дело с аргументированной научной критикой, а не с огульными нападками.

Несколько нарушая порядок болгарской программы X МСС, теперь уместно перейти к характеристике работы подсекции I-5, посвященной старославянскому (древнеболгарскому) языку и его роли в развитии сругих славянских языков, и это будет соответствовать традиционному месту старославянской проблематики в славистике в смысле соседства проблем палеословенистики и праславянских, а также в целом — сравнительно-исторических проблем. Несомненно, эта подсекция имела большое значение в глазах всех участников, чем объясняется и то, что ее заседания проходили при полной аудитории и собирали как болгарскую научную молодежь, так и лучших специалистов из разных стран. Достаточно назвать имена Х. Бирибаума (США), Ф. Мареша (Австрия), Л. Мошинского (Польша), И. Тота (Венгрия), Р. Вечерки (ЧССР), Л. П. Жуковской, А. А. Алексеева и Е. М. Верещагина (все трое — СССР). Болгарская сторона была представлена также опытными специалистами: Д. Иванова-Мирчева, Р. Павлова, А. Минчева. На этой подсекции доминировали, можно сказать, не доклады, а дискуссии. Последние были бесспорно интересными, но, к сожалению, заранее обреченными на неуспех, потому что многое при обсуждении упиралось (главным образом с болгарской стороны) в обостренные национальные эмоции и скорее — в оскорбления национального престижа, чем научной правды. Существующему широкому международному научному узусу и национальному пониманию термина старославянский болгарские участники решительно противопоставили более узкое и не всегда адекватное словоупотребление и понимание старобългарски (древнеболгарский) — о языке древнейшей славянской письменности. За этим более узким пониманием тянется целый шлейф других славистических вопросов, например о характере и масштабах влияния на древнерусскую письменность и культуру. Заметим, что спорным компромиссом в общем контексте прозвучали уже положения общепленарного доклада о том, что из Болгарии на Русь вместе с церковнославянским языком пришла также целая шкала моральных ценностей. Судя по примерам, имелась в виду определенная маркированность на Руси неполногласных форм и их соединение с более высокими понятиями. Однако проверка показывает, что такое соотношение отнюдь не было во всех случаях импортировано как уже готовое, но складывалось исподволь

на древнерусской почве. Позволим себе привести на этот счет только один пример, к тому же опубликованный почти одновременно с X МСС: «В наиболее ранних памятниках церковно-учительной литературы лексемы *нравъ* и *норовъ* одинаково могли использоваться для номинации как положительных, так и отрицательных качеств, обычаев, характера. Ср. *норовъ бжественный*» (см.: *Кандаурова Т. Н.* Пути семантической дифференциации лексем с полногласиями и неполногласиями в корнях // Актуальные проблемы исторической и диалектной лексикологии и лексикографии русского языка: Тез. докл. к республиканскому координационному совещанию 23—26 сентября 1988 г. Вологда, 1988. С. 33).

Терминологические споры в духе оппозиции старославянский — древнеболгарский носили на этой подсекции ожесточенный характер. Уточнениям дефиниции древнеболгарского языка был посвящен специальный доклад Е. Дограмаджиевой и К. Костовой (Болгария). В демагогическом духе — с аллюзиями на нашу всеобщую перестройку — вся церковнославянско-древнеболгарская ситуация применительно к Древней Руси была обыграна в докладе О. Кронштайна (Австрия), который читал доклад по-болгарски и закончил его призывом: «И славистиката има нужда от преустройство» («И славистике нужна перестройка»). При этом «перестраиваться» в духе болгарской доктрины предлагалось нашим специалистам по языку древнерусской письменности. Отстаивая более широкую и гибкую концепцию, с ответом выступил Е. М. Верещагин, уместно закончивший словами — тоже по-болгарски: «И славистиката има нужда от толерантност». Советские специалисты дискутировали весьма компетентно, привлекая внимание к исторической условности термина «древнеболгарский» (Е. М. Верещагин), а также к другим моментам (А. А. Алексеев, В. М. Живов). Болгарские представители пользовались весьма изощренной и разнообразной аргументацией, не останавливаясь перед обвинениями инакомыслящих в «ненаучности», ср. критику Д. Ивановой-Мирчевой коллективного доклада Г. С. Баранковой, Р. В. Бахтуриной, Л. А. Владимировой, Л. П. Жуковской, А. М. Молдована и А. А. Пичхадзе об Изборнике Святослава 1073 г., притом что другие болгарские участники высказывали об этом докладе положительные суждения.

Довольно острой постановкой вопросов отличались также отдельные доклады славистов других стран, например доклад О. Неделькович (США) «Языковые уровни и характерные черты диглоссии в средневековых литературах православных славян», где высказывалась мысль о том, что восточнославянская письменность развивалась под византийским влиянием независимо от славянского Юга. В целом, невзирая на своеобразный болгарский «диктат» в терминологической и концептуальной сфере палеословенистики, в работе подсекции преобладал дух свободной научной дискуссии с учетом положения в мировой славистике. Имеются все основания для того, чтобы отметить высокую активность и профессиональную подготовленность членов советской делегации, работавших в этой подсекции. Не приехали два советских докладчика подсекции I-5: Г. А. Хабургаев и Б. А. Успенский. По сведениям Е. М. Верещагина, западногерманский славист, издатель и участник подсекции Г. Роте официально обратился к Институту русского языка АН СССР с предложением сотрудничества в издании Служебных мний XI—XII вв.

В работе старославянской подсекции принимал участие также Ф. Томсон (Бельгия), официально зарегистрированный по секции литературоведения с докладом «Цитаты из сочинений византийских авторов у древнерусских и болгарских писателей — сравнение» (скандальную известность приобрел его тезис об «интеллектуальном молчании» Древней Руси, ср. также материалы киевского МСС).

Подсекция I-3 охватывала довольно широкую и расплывчатую тематику сопоставительно-типологического, а также ареального изучения языков и диалектов. Здесь было заявлено довольно много чисто сопоставительных докладов. Г. А. Цыхун (СССР) прочел доклад по теории ареальной типологии славянских языков; состоялся также ряд докладов по славянской диалектологии. Особо при этом следует отметить мнение наших участников (Н. Н. Пшеничнова) о том, что на съезде в Софии в целом не была представлена русская диалектология; известно, что несколько докладов по русской диалектологии у нас было предложено, но они были отклонены на начальном этапе. Мотивировка отклонения тем докладов на международный съезд славистов — дело ответственное. Обычно одним из веских мотивов «за» или «против» при этом служит наличие (или отсутствие) сравнительного аспекта в докладе. Скажем, мотивом отклонения может быть один диалектный как бы характер содержания доклада, хотя и подобные примеры в окончательную программу X МСС включались, ср. Дреттас (Франция) «Об одном южноболгарском диалекте (Описание и типология)», или другой, тоже французский доклад о «последних следах славянского говора селения Бобошчица-Дреновяне в Албании». Вообще докладов по диалектам других славянских языков было на съезде довольно много. Как момент избыточности можно отметить два доклада по словенским диалектам крохотной Каринтии (Южная Австрия), что лишь разительно подчеркивает отмеченную выше непредставленность русской диалектологической тематики (украинская и белорусская диалектология была представлена специальными докладами). Названную лакуну можно считать недостатком, притом, что русский языковой материал всех прочих уровней присутствовал весьма широко и в ряде случаев профилировал при рассмотрении проблем функциональной грамматики, семантики, падежной системы, глагольного вида, синтаксиса, ударения, текста, причем в докладах славистов разных стран, в том числе Индии и Японии.

Весьма богатый веер проблем отличал обширную подсекцию I-4, ориентированную преимущественно на синхроническое описание языков. Достаточно назвать здесь этнолингвистику, представленную докладом Н. И. и С. М. Толстых, посвященную славянскому ритуальному тексту, социолингвистику — как применительно к литературным языкам (Л. Н. Смирнов), так и к целому направлению, изучающему разговорную речь (доклад Е. А. Земской). Здесь нашли место доклады по лингвистике текста, по морфемике в плане синхронии и диахронии (доклад В. В. Лопатина и И. С. Улуханова).

Спорадично, можно сказать, была представлена тематика славянских литературных языков — как в этой, так и в других подсекциях, при всей своей признанной горячей актуальности в нынешнее время. Обращает на себя внимание прозвучавшее в одном из пленарных докладов (К. Гутшмидт, ГДР) мнение, что литературный язык — это «необязательный» этап языковой эволюции. Скорее всего, в этом выразился сохраняющийся младограмматизм воззрений на природу литературного языка как чего-то искусственного (см. об этом в книге Н. И. Толстого

«История и структура славянских литературных языков». М., 1988. С. 3¹⁾. Правильное социолингвистическое (и этнолингвистическое) понимание генезиса литературного языка (языков) из наддиалекта, обязательно вырабатываемого в процессе междиалектной и внутриэтнической коммуникации, в состоянии существенно корректировать эти построения даже в тех случаях, когда превращение наддиалекта в литературный язык по тем или иным локальным причинам не состоялось.

Вообще некоторые важные аспекты или уровни — сознательно или несознательно — оказались как бы «рассыпанными» по разным лингвистическим подсекциям. Кроме литературных языков и этногенеза, о которых я уже говорил, не были на софийском съезде специально выделены, далее, этимология, словообразование. Внимательно знакомясь с программой, можно, впрочем, найти эти темы практически повсюду, «в рассеянии». Не исключено, что таким образом выразилось переключение исследовательского внимания с «чистых» уровней, если можно так выразиться, на межуровневые зоны и «стыки», что проявилось еще на предыдущих съездах (крайним примером останется, по-видимому, навсегда загребский, VIII съезд славистов 1978 г., в программе которого подчеркнуто царил внешний хаос и любые темы соседнили с любыми, что, возможно, с другой стороны, призвано было также обострить склонность исследователей к межуровневым поискам). Пытаясь извлечь из описанного какой-то методологический урок, мы можем расценивать это как отказ от стремлений решать проблемы в «чистом» виде (т. е., скажем, только как словообразовательные, этимологические, морфологические, литературные, этногенетические и т. д., и т. п.), но подходить к ним в совокупности аспектов и уровней. Последнее говорило бы о реалистической, здоровой широте исследования как вполне актуальной реакции против узости, невольно задававшейся ранее диктатом утрированно «строгих» методов.

Как интересный «межуровневый» опыт отметим доклад Е. И. Деминой (СССР) о принципах лингвогеографической интерпретации данных памятников славянской письменности. В принципе давно наличествует (преобладает) также межуровневое, весьма широкое понимание семантики, приближающееся к пониманию языковой функции. Функционально-семантический (в грамматическом смысле) характер носили доклады А. В. Бондарко (СССР) по грамматическим системам современных славянских языков, далее — групповой доклад о категории посессивности и др.

Крайне редки были на съезде, между прочим, темы по чисто генеративной грамматике, как, например, доклад Й. Топоришича (Югославия), хотя в отдельных докладах американской лингвистической школы, как, например, непрозвучавший (но опубликованный) доклад Ф. Глэдни (США) о позднепраславянской тематизации глагола, в достаточной мере представлен и генеративизм, и прочая экзотическая для лингвистической Европы аксиоматика вроде того, что элементарная языковая единица — не слово, а морфема.

Таким образом, X Международный съезд славистов, его лингвистическая секция имели сложную структуру, и последняя, наряду с внешне

¹ Там говорится о преодолении к настоящему времени этих взглядов. Ср., впрочем, новую публикацию Г. А. Хабургаева (*Russian linguistics*, 1987, v. 11, № 2—3, с. 103 и сл.), где вновь в полном объеме сталкиваемся с концепцией письменного литературного языка как результата сознательной творческой деятельности, с его «необязательностью» и даже искусственностью.

четким делением на пять тематических подсекций, сохраняла значительный калейдоскопизм и многослойность. Эта сложность конгресса зеркально отражала сложность современной науки и ее течений и противоборств. Нам предстоит и дальше изучать эту картину. Разумеется, настоящий вынужденно беглый очерк не мог полностью отразить картину советского лингвистического присутствия и участия в минувшем съезде, и она, разумеется, не была бы полной без учета работы тех из наших участников, которые прибыли в Софию «без доклада», но весьма активно следили за ходом заседаний и деятельно участвовали в дискуссиях (К. П. Смолина, Т. С. Коготкова, В. Б. Силина, А. П. Непокупный и др.).